

Глава 3

ПО БЕССАРАБИИ КОЧУЯ...

Весной 1918 г. через Бессарабию на Дон пробивался сводный офицерский отряд полковника Дроздовского. В занятых по пути селениях белые восстанавливали «законную власть», вешая и расстреливая угодивших им в руки комиссаров.

Среди прочих пленных к дроздовцам попал и бывший разбойничий атаман, а тогда командир Красной гвардии Григорий Котовский. Правда, офицеры не знали подлинное имя задержанного и отправили его под арест вплоть до окончательного выяснения личности.

Однако выяснение личности так и не состоялось. В первую же ночь пленник бежал, избежав тем самым неминуемой гибели. Так единственный раз пересеклись и опять разошлись судьбы двух персонажей, каждый из которых впоследствии стал для своих единомышленников человеком-легендой. Что же касается противников, то у них восторги заменялись одной только ненавистью. Дроздовского в красном лагере честили исключительно как «убийцу» и «вешателя», Котовский же для белых так и остался всего лишь «предводителем шайки бандитов».

ДРОЗДОВСКИЙ

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в 1881 г. в Киве в семье генерала. Вопрос о выборе профессии для него, по-видимому, даже не стоял. По воспоминаниям всех сослуживцев, он был прирожденным военным — смелым, решительным, энергичным и... жестоким.

Окончив Владимирский кадетский корпус и Павловское военное училище, в звании подпоручика Дроздовский был направлен в лейб-гвардии Волынский полк (1901 г.). Спустя три года молодой офицер поступил в Николаевскую военную академию, однако за партой не усидел и по собственной просьбе отправился на фронт — воевать с японцами.

В рядах 34-го Сибирского стрелкового полка Михаил Гордеевич прошел всю неудачную Маньчжурскую кампанию: сражался храбро, был ранен и награжден орденами. Академию он закончил уже после войны, в 1908 г. Дальнейшую службу проходил при штабах сначала в Заамурском, а затем в Варшавском военном округе. Повышая свой профессиональный уровень, Дроздовский изучал все новинки военного дела и в 1913 г. даже закончил курсы летчиков-наблюдателей при Севастопольской авиашколе.

В Первую мировую войну Михаил Гордеевич дослужился до начальника штаба 64-й пехотной дивизии. В сентябре 1916 г. во время брусиловского прорыва он был ранен в руку и отправился на лечение. В строй Дроздовский вернулся в январе 1917 г. в чине полковника. Но штабная работа ему, видимо, надоела, и тогда Михаил Гордеевич стал командиром 60-го Замосцкого полка.

Часть его дислоцировалась на не оккупированной немцами территории Румынии. Разложение русской армии началось здесь позднее, чем на других фронтах. И все же к осени 1917 г. даже самые грозные и уважаемые офицеры полностью утратили контроль над подчиненными. Неудивительно, что когда в ноябре 1917 г. Дроздовского назначили начальником 14-й дивизии, вступать в должность он посчитал излишним. Армия разбегалась, а многие офицеры уже смотрели на немцев как на меньшее зло по сравнению с большевиками.

В этой обстановке командующий Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачев решил сформировать Добровольческий корпус и послать его на Дон в помощь «самому лютому врагу Советской власти» Л. Г. Корнилову. Дроз-

довский тут же примкнул к предприятию и, прибыв в Яссы, возглавил формирование 1-й сводной бригады.

Три месяца его подчиненные отбирали у дезертиров военное имущество. Так они обзавелись не только огромным количеством винтовок и пулеметов, но и двумя артиллерийскими батареями, броневиками и даже аэропланами.

Однако в декабре 1917 г. разместившееся в Яссах румынское правительство начало с Германией переговоры о мире. Идя на поводу у немцев, румыны потребовали распустить корпус. Щербачев ультиматуму подчинился, Дроздовский же ответил отказом.

Разогнать 1-ю бригаду силой не удалось. Выкатив все свои пушки, Михаил Гордеевич «мягко» предупредил, что «разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется правительству», и «при первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем». 16 марта 1918 г., посмотрев в театре оперетту «Цыганская любовь», Дроздовский отдал приказ о выступлении...

Идти предстояло по территориям, занятым румынскими, немецкими и украинскими войсками. Вооруженный до зубов отряд Дроздовского выглядел внушительно, так что обычно договаривались «полюбовно»: от румын и украинцев, желавших поживиться русским имуществом, отбивались матюгами, немцы же вообще делали вид, что все происходящее их не касается. И лишь с красными разговор был коротким. Свое кредо и взгляд на революцию Михаил Гордеевич выразил следующим образом: «Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, закаляйся, воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон — око за око, а я скажу: два ока за око, все зубы за зуб»...

По дороге отряд обрастал новыми силами. В Кишиневе к 900 бойцам Дроздовского присоединилось несколько десятков добровольцев из 2-й сводной бригады. Затем из Измаила подошло еще 130 человек во главе с полков-

ником М. А. Жебрак-Русановичем. Зачастую, еще до подхода белых, местные жители сами расправлялись с комиссарами. С другой стороны, в некоторых селениях «порядок наводили» массовыми казнями и порками.

Плохо организованные большевистские соединения (в том числе и отряд Котовского) обычно разбежались после символического сопротивления. Так, мост через Днепр добровольцы заняли почти без боя, напугав красных одним своим видом. В Бердянске же к их приходу революционные матросы уже были перебиты членами местного Союза инвалидов во главе с Абальянцем и Черковым.

Любопытно, что, несмотря на благородство провозглашаемых целей, сами дроздовцы отнюдь не были образцом дисциплины. В Мелитополе пьяный офицер открыл стрельбу по жителям и «успокоился» только после того, как сам получил пулю в живот от одного горожанина. В Новоспасском один из офицеров отправился за водкой и был убит местными крестьянами. В обоих случаях «героев» хоронили со всеми почестями, хотя первый эпизод Михаил Гордеевич охарактеризовал как «бесславный», а из второго вывел мораль: «Не будь алкоголиком, не ходи один по деревням».

Узнав о хозяйничавших в Гуляй-поле махновцах, Дроздовский послал туда карательную экспедицию, нанесшую анархистам огромные потери. Однако добивать Махно времени уже не было. Занявшие Таганрог немцы вроде бы собирались разогнать добровольцев. Тем не менее им удалось проскочить и выйти к Ростову-на-Дону, где скопились крупные силы красных.

В пасхальную ночь авангард дроздовцев во главе с полковником Войналовичем с ходу проскочил в центр города и овладел вокзалом. Сам Войналович при этом погиб, но подошедшие позже основные силы дроздовцев закрепили победу.

Красные отреагировали моментально. Из Новочеркасска прибыли бронепоезд и несколько эшелонов с красногвардейцами. Белым пришлось отойти, потеряв около 100 человек и часть обоза.

Однако бои за Ростов заставили большевиков оттянуть часть сил из Новочеркасска, чем немедленно воспользовались восставшие казаки. 8 мая Южная группа полковника Денисова заняла столицу Войска Донского. В этот же день красным без боя пришлось оставить Ростов немцам. Видимо, с горя они попытались отбить Новочеркасск, но в момент, когда исход боя, казалось, уже повернулся в их пользу, к месту сражения подоспели дроздовцы...

Казаки встречали столь нелюбимых когда-то «офицеров-золотопогонников» как героев. За два месяца героического похода отряд Дроздовского прошел более 1 тыс. км, увеличившись с 900 почти до 3 тыс. человек.

1-я Сводная бригада влилась в Добровольческую армию Деникина и получила наименование 3-й дивизии. Ее бойцов теперь называли просто «дроздовцами», точно так же, как бойцов двух других дивизий называли «корниловцами» и «марковцами». Однако, несмотря на множество оставшихся позади испытаний, можно сказать, что боевой путь этой части еще только начинался.

После месячного отдыха Добровольческая армия отправилась на освобождение Кубани. Первую крупную группировку противника белые атаковали у станции Торговой (город Сальск). Совместными усилиями Дроздовский, Боровский и Эрдели погнали большевиков на север, к Шаблиевке, в капкан, устроенный марковцами. Победителям достались огромные трофеи, однако именно в этом бою погиб соперник Дроздовского по воинской славе генерал Марков...

Затем Добровольческая армия резко развернулась и устремилась к Белой Глине, где стояла «стальная» дивизия Жлобы. Дроздовцы двигались впереди и попытались сбить неприятеля неожиданной ночной атакой. На сей раз попытка окончилась неудачей. Из-за мощного пулеметного огня цепи наступающих залегли, а отряд Жебрак-Русановича даже угодил в устроенную красными засаду.

С утра подоспели дивизии Кутепова, Боровского, Эрдели, и противника все-таки добились. В Белой Глине победители нашли изувеченные трупы Жебрак-Русановича

и еще 35 офицеров. Следуя принципу «два ока за око, все зубы за зуб», дроздовцы учинили расправу, которая еще больше упрочила уже тянущуюся за ними мрачную славу.

У Тихорецкой белые окончательно добились группировку Калниня, после чего взялись за армию Сорокина. 7 августа произошла битва под Выселками, во время которой дроздовцы и марковцы (теперь ими командовал Казанович) приняли главный удар противника, дав тем самым возможность основным силам изготавиться для решающего удара.

К концу лета 1918 г. белые установили контроль почти над всей территорией Кубани. На очереди был Ставрополь, борьба за который затянулась на два месяца. К началу ноября армия Деникина фактически обложила город. Штурм начался 13 ноября, причем уличные бои в Ставрополе затянулись на двое суток. Михаил Гордеевич, как всегда, был впереди и уже в самом начале операции получил ранение в ногу.

Рана поначалу казалась не очень опасной, и его отправили на лечение в один из ростовских госпиталей. Именно там 21 ноября он и получил весть о своем, давно уже заслуженном, производстве в генеральское звание. Однако этот приятный сюрприз никак не повлиял на здоровье Дроздовского. Улучшения так и не наступило, и 14 января Михаил Гордеевич скончался от заражения крови. Поскольку популярности покойного многие завидовали, среди дроздовцев прошел слух будто его «залечили». В дивизии начались волнения, и многие бойцы даже захотели идти в Ростов «разбираться»...

Тело Михаила Гордеевича торжественно похоронили там же, в Ростове. Спустя год, когда в город вступили красные части, его бывшие подчиненные ринулись в отчаянную контратаку и смогли с боем вывезти останки своего командира, избавив их тем самым от возможного осквернения.

На протяжении всей Гражданской войны и даже в эмиграции бойцы 3-й дивизии с гордостью продолжали именовать себя дроздовцами. Во время своих собраний они

любили распевать марш, сложенный на полях Бессарабии и впоследствии «искалеченный» победителями-большевиками:

*Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом
Славу полк свою стяжал.
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города...*

КОТОВСКИЙ

Григорий Иванович Котовский родился 12 июля 1881 г. в местечке Ганчешты Кишиневского уезда. Раньше край этот входил в состав Молдовы, но в начале XIX в. перешел к России под названием Бессарабии. Впоследствии местное население стали называть молдаванами, однако во времена Котовского такого понятия еще не существовало, а сам он предпочитал называть себя бессарабом. Здесь Григорий Иванович был не совсем точен, поскольку мать его была русской, а отец не то украинцем, не то православным поляком.

Сам Котовский впоследствии вспоминал, что «был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, часто ночью, сорвавшись с постели, бежал к матери (Акулине Романовне), бледный и перепуганный, и ложился с ней. Пяти лет упал с крыши и стал зайкой. В ранних годах потерял мать...». Несколько позже, в 1895 г., умер от чахотки отец.

Поняв, что жизнь — «штука суровая», Гриша начал «вырабатывать волю» и занялся физкультурой. К отроческим годам он уже был признанным лидером среди сверстников, выходя победителем практически из любой драки.

Друг отца помещик Манук-бей устроил Котовского в Кокорозинское сельскохозяйственное училище. Во вре-

мя учебы на агронома Григорий Иванович проходил практику в крупных помещичьих хозяйствах. Однако и первый, и второй работодатели — Якунин и Скоповский — выгнали его за кражу хозяйских денег. Во втором случае дело осложнилось соблазнением жены хозяина, так что молодого практиканта еще и избил дворня Скоповского.

В воспоминаниях Григория Ивановича все выглядело несколько иначе: он якобы первым избил Скоповского за издевательства над крестьянами, а роман с женой помещика впоследствии превратился в роман с княгиней Кантакузиной — представительницей одной из самых знатных семейств Бессарабии...

Уже после окончания училища (в 1900 г.) Котовский попытался устроиться управляющим имением и для этого подделал рекомендательные письма о своей будто бы образцовой работе у помещика Якунина. Дело вскрылось, и хотя Григорий Иванович отделался недолгим арестом, путь в приличное общество ему оказался заказан.

И тогда вместо того чтобы стать агрономом, наш герой стал разбойником. В январе 1904 г. началась война с Японией. Спасаясь от армии, Котовский уехал в Одессу, где примкнул к одной из эсеровских террористических групп. Успев поучаствовать в нескольких «экспроприациях», он был арестован за уклонение от мобилизации, после чего вместе с другими призывниками отправился под конвоем в город Житомир.

При первой возможности Григорий Иванович бежал. Разжившись у местных эсеров фальшивыми документами, он вернулся сначала в Одессу, а затем в родные Ганчешты, где сколотил собственную шайку.

Далее началась полоса грабежей, налетов на помещичьи усадьбы и перестрелок с полицией. Отряд Котовского действовал в Бессарабской и Херсонской губерниях и насчитывал в своих рядах 18 постоянных бойцов. Награбленное они расходовали на собственные удовольствия, но кое-что, видимо, перепало и бедным. Сам Григорий Иванович умело играл на публику: был галантен с дамами,

никогда не убивал своих жертв и довольно удачно выдавал себя за представителей самых разных слоев общества — то за священника, то за офицера, то за помещика. Начитавшись бульварных романов, он любил представлять себя благородным разбойником и даже придумал себе подходящее прозвище — атаман Ада.

Котовским занялся один из лучших сыщиков — полицейский пристав Хаджи-Коли. Арестовать преступника ему удалось в феврале 1906 г. Однако в тюрьме Григорий Иванович не задержался. 31 августа, перепилив решетку, он выбрался из одиночной камеры и скрылся в ожидавшей его пролетке. Спустя пять дней Хаджи-Коли с двумя полицейскими арестовал его на одной из улиц Кишинева, но после короткой потасовки, получив две пули в ногу, Котовский все-таки убежал от конвоиров.

Хаджи-Коли был задет за живое и 24 сентября устроил облаву по всем местным притонам. На сей раз уйти «атаману Ада» не удалось, и в знак поражения он даже подарил своему противнику роскошную трость, захваченную во время одной из «экспроприаций». Получив 10 лет каторги, Григорий Иванович начал свой вояж по тюрьмам империи. В каждой из них он утверждался в качестве «авторитета», а оказавшись на сибирской каторге, лично убил в драке другого «неформального лидера» — рецидивиста по кличке Ванька-Козел.

В феврале 1913 г. Котовский вырвался на свободу и, добравшись до Бессарабии, возобновил разбойничью деятельность. Лишь в июне 1916 г. полицейские во главе с Хаджи-Коли окружили его банду на глухом хуторе. Отстреливаясь, «атаман Ада» укрылся в хлебах, но преследователи подождгли их, и Котовскому пришлось сдаться. На сей раз, ввиду военного времени, ему грозила смертная казнь. Однако стараниями газетчиков «бессарабский Робин Гуд» стал своеобразным любимцем публики. Многие ему сочувствовали, и благодаря заступничеству генерала Брусилова повешение заменили пожизненной каторгой. Растроганный Григорий Иванович пообещал, что теперь «будет жить не для себя, а для других».

Затем грянула Февральская революция, и Временное правительство предоставило Котовскому возможность «искупить вину кровью». Григорий Иванович прибыл на фронт, но вместо участия в боях занялся политической деятельностью. Напирая на то, что всю жизнь боролся с «социальной несправедливостью», он приобрел репутацию революционера и даже вступил в партию левых эсеров.

После Октябрьского переворота Котовский сколотил отряд Красной гвардии и во главе него принял участие в боях «за Советскую Бессарабию». Правда, триумф большевиков в этом крае оказался недолгим. Практически одновременно им пришлось сражаться против немцев, румын, русских белогвардейцев, украинских «самостийников» и местных молдавских националистов. В этом хаосе отряд Котовского был то ли разгромлен, то ли попросту разбежался, а сам Григорий Иванович едва не был расстрелян дроздовцами.

Лишь в ноябре 1918 г. он появился в оккупированной союзниками Одессе, где занялся уже привычным ему делом — экспроприациями. Правда, на сей раз Котовский действовал от имени революции, а в его боевой дружине основную массу составляли уже не уголовники, а политические — большевики, анархисты, эсеры. Как и в прежние годы, Григорий Иванович постоянно менял «лежбища», но особенно часто он скрывался в одном из борделей, принадлежавших Майору Зайдеру. Впоследствии этот Зайдер станет в его бригаде порученцем и начальником снабжения...

В марте 1919 г. при подходе Красной армии в Одессе началось восстание. Дружина Котовского приняла в нем активное участие, и после захвата города большевики встретили Григория Ивановича как «надежного и проверенного товарища». Ему доверили формирование собственного отряда, который уже к июню вырос до размеров бригады. Правда, в боях с регулярными частями белых котовцы участвовали очень редко. Их противниками, как правило, оказывались либо восставшие крестьяне, либо отряды всевозможных панов-атаманов, либо полурегулярные части петлюровцев.

Тем не менее амбиций у Григория Ивановича хватало. Так, летом 1919 г. он планировал объявить войну Румынии и отвоевать у нее родную Бессарабию. До этого дела не дошло. Из-за успехов Деникина бойцам Котовского пришлось выбираться из окружения. Затем бригаду перекинули в Петроград (против Юденича), но и здесь повоевать ей почти не пришлось.

Котовский слег с тифом, а после выздоровления женился на медсестре Ольге Шанкиной. В январе 1920 г. он вернулся на Украину и принял участие в очередном штурме Одессы Красной армией. Григорий Иванович повис на хвосте у отступающих, прижав их в районе Днепра к границе с Румынией. Здесь белые сложили оружие, причем победитель очень мягко обошелся со своими пленными. В их числе оказался и старый противник «атамана Ада» — Хаджи-Коли.

Война с Польшей не принесла Котовскому особых лавров. Еще в начале кампании его бригада была разгромлена, а сам он, получив тяжелые ранения, отправился в Одессу на излечение. После выздоровления Григорий Иванович получил командование над 17-й кавалерийской дивизией и принялся вновь гоняться за «зелеными» и «жовто-блакитными». В числе его противников побывали почти все наиболее известные атаманы того времени — Левченко, Струк, Зеленый, Махно. Ни одному из них Котовский так и не смог нанести решающего поражения. Махно, например, попав в устроенную ему засаду на реке Буг, устроил красным такой погром, что на Украине даже появилась пословица: «Пидманув, як Котовский Махна на Бугу».

Гораздо успешнее Григорий Иванович действовал против восставших крестьян на Тамбовщине (1921 г.). Получив задание уничтожить банду Матюхина, котовцы переоделись в белогвардейскую форму и выдали себя за якобы прорвавшийся с Дона казачий отряд атамана Фролова. Во время переговоров о совместных действиях комдив и его подчиненные выхватили оружие и перестреляли весь штаб повстанцев (самому Матюхину, впрочем, удалось уйти, и погиб он уже несколько позже, в Тамбове, во время чекистской облавы). Завершить же свой боевой путь Григо-

рию Ивановичу довелось на Украине — эффектной победой над частями атамана Тютюнника.

В целом широкая известность Котовского объяснялась не столько его полководческими достижениями, сколько умением создать образ народного героя и заступника. Подчиненные не чаяли в нем души, а мирные крестьяне обращались к нему со своими нуждами. Приняв в 1922 г. командование над 2-м кавалерийским корпусом, Григорий Иванович превратил эту воинскую часть в некое подобие маленького государства — «страну Котовию». Его бойцы создавали всевозможные артели, кооперативы и коммуны, организовывали собственные заводы, магазины, совхозы.

Свою родину, Бессарабию, Григорий Иванович мечтал превратить в Молдавскую Советскую республику. Однако край был оккупирован Румынией, и тогда он протолкнул решение о создании на территориях Юго-Западной Украины Молдавской Автономной Советской республики. Добиться для нее статуса союзной Котовский так и не успел, но именно его вполне можно было бы назвать родоначальником нынешней молдавской государственности...

Возможности Григория Ивановича влиять на решения общегосударственного характера в значительной степени объяснялись покровительством его земляка и тогдашнего наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе. Есть версия, что, готовя переворот, Фрунзе в это время расставлял своих людей на высшие командные должности. Котовский был единственным крупным кавалерийским военачальником, не связанным с 1-й Конной армией, а следовательно, и со стоявшей за ней сталинской группировкой. Отсюда некоторые историки делают вывод — именно его Фрунзе собирался протолкнуть на пост командующего красной конницей.

Однако если этот план и существовал, то смерть Котовского поставила на нем крест. Вечером 5 августа 1925 г. Григорий Иванович был застрелен в военном поселке Чабанка под Одессой. Его убийца, уже упоминавшийся Майор Зайдер, на суде заявил, что «убил комкора за то, что

он не повысил меня по службе». Суд этим объяснением удовлетворился и приговорил Зайдера к 10-летнему заключению. Газеты же сообщили, что комкор был убит «белогвардейским агентом».

Уже через два года «белогвардейский агент» вышел на свободу и, поселившись в Харькове, устроился работать на железную дорогу. В 1930 г. двое бывших котовцев подкараулили его и бросили под поезд. Никакого наказания они не понесли, а дело замяли.

Что же касается подлинных причин смерти комкора, то кто-то объяснял ее происками сталинских агентов, другие — завистью или ревностью, а третьи — «неосторожностью при обращении с оружием». И разумеется, ни одна из этих версий не фигурировала в официальной советской пропаганде.

Столицу Молдавской Автономной Советской республики Бирзулу переименовали в Котовск, а набальзамированное тело героя было похорнено в цинковом гробу со стеклянным окошечком, в специальном склепе-мавзолее. В 1941 г. румынские войска взяли город, разрушили мавзолей и выбросили останки Котовского в братскую могилу. И хотя в 1944 г. город вновь заняла Красная армия, найти его тело так и не удалось. Что же касается сердца комкора, то оно было заспиртовано в банке и, видимо, до сего дня хранится где-то в подвалах Одесского медицинского института.

Дроздовский и Котовский были кумирами для подчиненных, а их личные амбиции не совсем состыковались с требованиями воинской дисциплины. Начальству такие люди обычно внушают опасения, и от них зачастую стараются избавиться. Погибли ли Дроздовский и Котовский от рук «своих», выяснить уже не удастся. Зато очевидно другое — и тот, и другой умели создавать легенды вокруг себя и своих соратников. Именно благодаря этому умению дроздовцы и котовцы стали героями песен и образцами для подражания. И именно за это умение подчиненные столь горячо и преданно любили своих командиров.